

Пока они разговаривали, в городе внезапно кто-то начал ругаться. Ссора разгоралась всерьез. Присмотревшись, они увидели хозяйку мясной лавки, которая отчитывала своего мужа. Видимо, брани ей показалось мало, и под конец она просто схватила его за волосы и потащила домой. Соседи, услышав шум, высыпали на улицу: одни пытались разнять супругов, другие прикрывали рты и хихикали, а третьи воспользовались суматохой и стащили свиные потроха. На улице царил полная путаница.

Мясная лавка, хозяйка... В голове Се Жэня словно громом поразило:

— Это тот миниатюрный город!

Таверны, постоянные дворы, мостики над журчащими ручьями... Неудивительно, что всё казалось таким знакомым! При каждом удобном случае все четверо склонялись над столом и с увлечением наблюдали за жизнью этих людей. Вот только им и в голову не могло прийти, что в один прекрасный день они сами окажутся внутри этого города.

Чертежи города Ло Мэйшэн рисовал лично, переделывая их более сотни раз, так что наверняка помнил каждую мелочь наизусть. Если Цзюин вселился в его тело, сотворить точно такой же город для него не составило бы труда.

Ли Хуань изумился:

— Зачем он запер нас здесь? Чего он добивается?

Се Жэнь вернул меч в ножны:

— Какая бы у него ни была цель, сперва надо найти способ выбраться!

Самый быстрый способ покинуть город — разумеется, выйти через ворота. Однако четверо юношей быстро обнаружили, что ворот в этом городе нет вообще. Четырехугольные черные стены наглухо окружали каждого человека и каждый предмет, а между кирпичами невозможно было найти ни единой щели. Ли Хуань произнес:

— На той макетной модели тоже не было ворот. Была лишь табличка с двумя иероглифами — «Ую».

Город Ую... Звучит как прекрасное место, куда стремится каждый, и жители здесь действительно жили без забот. Даже свирепые вздорящие супруги-мясники ссорились из-за полной ерунды вроде «во сколько завтра открывать лавку», и не прошло и нескольких минут, как они уже возвращались домой, держась за руки и воркуя.

— Город разделен на четыре части: восточную, западную, южную и северную, — сказал Фэн Цяньсюэ. — Начнем с четырех углов и для начала нарисуем подробную карту.

— Хорошо, — отозвались Ли Хуань и Мо Чи и отправились к восточному и северному углам соответственно. Се Жэнь выбрал западный угол. Когда он учился в академии Чанцэ, каждую ночь перед сном разглядывал миниатюрную модель, так что прекрасно знал ее устройство. Западный угол был самым просторным: большую часть занимало пастбище для лошадей, а кроме него там располагались лишь плотницкая мастерская, пагода и несколько разбросанных домов, так что закончить карту можно было быстро. А освободившееся время как раз пригодилось бы, чтобы помочь на юге.

Южный угол оказался самым сложным местом во всем городе. Там не только жило больше

всего народу, но и собирался самый пестрый люд всех мастей. Фэн Цяньсюэ шел по улице, когда его внимание привлекла лавка с выпечкой. Хозяин выглядел белолицым, упитанным и добродушным, точь-в-точь как пышущие паром булочки в бамбуковой пароварке, украшенные тремя красными точками. У лавки выстроилась внушительная очередь.

— Две с мясом, одну с зеленью и одну с пастой из красных бобов, — сделал заказ Фэн Цяньсюэ. Он хотел расплатиться, но, пошарив у себя на поясе, обнаружил лишь пустоту и застыл в замешательстве.

— Только сейчас заметил, что кошелек украли? — раздался за спиной знакомый голос. Се Жэнь бросил торговцу пару мелких монет, одной рукой подхватил булочки, а другой взял Фэн Цяньсюэ за руку и повел под навес чайной. — Посиди здесь, а я схожу за питьем.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— Зачем ты украл мой кошелек?

Се Жэнь и разозлился, и рассмеялся — неужели тот до сих пор ничего не понял? Он взялся руками за его плечи и развернул назад:

— Видишь вон того человека, привязанного к дереву?

Фэн Цяньсюэ нахмурился:

— Вижу. Когда говоришь, не дыши мне в ухо, щекотно.

Се Жэню пришлось выпрямиться чуть ровнее:

— Пока ты разглядывал булочки, он уже обчистил тебя. Когда я его ловил, прохожие даже бровью не повели — видно, это местный воришка-рецидивист. Сначала поешь, а допросить его успеем и позже.

Служка вскоре принес чайник. Чайный сервис оказался целиком выполнен из нефрита Линбай, а сам чай был изумрудно-зеленым и душистым. Фэн Цяньсюэ поднес пиалу к лицу, вдохнул аромат и произнес:

— Это весенний чай Яотай.

— Хоть я и не любитель чая, но о весеннем чае Яотай слышал — десять тысяч золотых за лян, — сказал Се Жэнь. — И еще: я только что был на конюшне и заметил, что там держат исключительно редких, породистых скакунов. Похоже, когда Ло Мэйшэн строил этот город, он и вправду стремился воплотить само название «Ую». По этой причине он поместил сюда всё лучшее, что когда-либо видел, пробовал и чем пользовался, чтобы простые жители могли наслаждаться этим каждый день.

Фэн Цяньсюэ разломил булочку, мясной сок брызнул на пальцы, и он наклонился, чтобы слизать его. Глядя на эти мягкие губы, Се Жэнь снова почувствовал, как к голове прилила волна жара. Он мысленно отругал себя: сам заперт в этом дырявом месте без возможности выбраться, а в голове бог весть что! Чтобы скрыть смущение, он тоже взял булочку с зеленью. Но не успел сделать и пары укусов, как почувствовал неладное:

— Ты же не знал, что я приду. Зачем купил еду и на меня?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— На западе города почти ничего нет. Нарисовав карту, ты бы естественным образом пошел искать меня. Я рассчитал время и купил угощение.

Услышав это, Се Жэнь повеселел. Он пододвинулся ближе и с нагловатой ухмылкой спросил:

— А с чего это я после окончания работы обязательно должен идти к тебе? Почему не к Ли Хуаню или Мо Чи?

Фэн Цяньсюэ отобрал оставшуюся сладкую булочку и отвел взгляд:

— Ну и иди к ним.

— Эй, я же пошутил! — Се Жэнь ткнул его в бок. — Отдай скорее, я еще не наелся.

Фэн Цяньсюэ с улыбкой увернулся и поднес булочку прямо к его губам:

— Ешь. Доешь — и за дело.

Се Жэнь откусил прямо из его рук. Неизвестно, из-за сладкой бобовой пасты или по какой другой причине, но вкус показался ему умопомрачительно сладким, отчего голова пошла кругом. За шутками и разговорами они покончили с едой. Если бы Цзюин за пределами города видел эту картину, он наверняка чувствовал бы себя ужасно разочарованным. В конце концов, главное удовольствие от наблюдения за запертыми в ловушке зверями — это наслаждаться их паникой и отчаянием от невозможности сбежать, а вовсе не смотреть, как они нежно переглядываются, растягивая одну маленькую булочку чуть ли не на восемнадцать укусов.

Вор был крепко связан заклинаящим шнуром. Обычный человек от такого давным-давно потерял бы чувствительность в конечностях, а этот спокойно грелся на солнышке и болтал с прохожими. Увидев приближающихся Се Жэня и Фэн Цяньсюэ, он ничуть не испугался, а лишь расплылся в нагловатой улыбке:

— Двое молодых бессмертных мастеров, я ведь все равно ничего не украл, проявите милосердие, отпустите меня.

Се Жэнь вглядывался в него пару мгновений, затем щелкнул пальцами правой руки, и заклинаящий шнур юркой змейкой вернулся к нему в рукав. Освобожденный вор вальяжно вознамерился уйти, но Се Жэнь схватил его за правую руку и с силой прижал к дереву. Фэн Цяньсюэ стоял рядом и увидел лишь блеск стали — кинжал Се Жэня насквозь пробил ладонь вора и намертво пригвоздил ее к стволу.

Вздрогнув от неожиданности, Фэн Цяньсюэ хотел было броситься и остановить его, но обнаружил, что крови нет. Более того, едва Се Жэнь выдернул кинжал, рана мгновенно затянулась.

Едва опомнившись от испуга, вор со всех ног пустился наутек. Се Жэнь произнес:

— Я не ошибся. Люди здесь действительно не ведают ни болезней, ни травм, ни боли. Ударь-ка меня для проверки.

Фэн Цяньсюэ молниеносно выкинул кулак.

Се Жэнь, застигнутый врасплох, едва не лишился чувств от удара. Лишь спустя некоторое

время он смог выдавить:

— Ты правда ударил?

Фэн Цяньсюэ запнулся и попытался оправдаться:

— ...Ты сам сказал, что не больно.

— Я имел в виду попробовать! — Се Жэнь выпрямился, опершись о дерево, и пожаловался: — Пусть не больно, но как ты мог использовать против меня тот же приём кулачного боя, что и против Хои Яньюй? Даже если не умеешь заигрывать, мог хотя бы просто шлепнуть!

Фэн Цяньсюэ спросил:

— Вправду не больно?

— Вправду не больно, — Се Жэнь погладил живот. — Город Ую... Здесь даже избавили от боли от болезней и ран.

Вдвоем они продолжили бродить по улицам и переулкам, дорисовывая оставшуюся карту. Спустя некоторое время подошли Ли Хуань и Мо Чи. Четверо отыскиали постоянный двор и сложили свои карты вместе. Город и впрямь был спроектирован чрезвычайно искусно — в нем имелось всё необходимое до мельчайших деталей. Многие мелочи, на которые они раньше не обращали внимания, теперь, когда они оказались внутри, вырисовывались четко и ясно, словно рассеялся туман.

— За исключением лекаря, здесь есть ремесленники любых профессий, — сказал Ли Хуань. — Мы попытались расспросить нескольких человек: они в полном уме, сообразительны и красноречивы, но стоит заговорить о внешнем мире, как они приходят в замешательство, будто вообще не понимают, о чем речь.

— Потому что для них этот город — вся Вселенная. Точно так же, если бы ты спросил меня, что находится за Девятью Небесами, я бы тоже не смог ответить, — Се Жэнь наугад взял с полки маленький нефритовый флакон. — Редкие антикварные диковины и изысканные деликатесы, которые во внешнем мире днем с огнем не сыщешь, здесь самое обычное дело. Ни забот, ни печалей, ни болезней, ни бед... Неудивительно, что никому и в голову не приходило уйти отсюда.

Фэн Цяньсюэ стоял у окна:

— Там девушка.

— Какая девушка? — Трое тоже подошли посмотреть. На противоположной стороне улицы виднелся дворик за белой стеной под черной черепицей в тени зеленых деревьев. Во дворе сидела девушка лет шестнадцати-семнадцати в милом красном платье и делала сладости.